

Маркирование актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах села Урмия*

С. С. Сай

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
serjzhka@yahoo.com

Аннотация. На основе анкеты, включающей 130 двухместных предикатных выражений, очерчены валентностные классы новоарамейских идиомов, представленных в селе Урмия (Краснодарский край). Выявленная система классов демонстрирует ряд типологически необычных черт, включая наличие грамматикализованных конструкций с экстрапозицией немаркированного участника и систематический синкретизм аблативного и комитативного значений. Предположительно, система кодирования актантов новоарамейских идиомов Урмии отражает многочисленные контакты и находится в нестабильном состоянии.

Ключевые слова: новоарамейские языки, семитские языки, актантная структура, валентностные классы, переходность, дифференцированное маркирование объекта, предлоги, вершинное маркирование на глаголе, языковые контакты, многомерное шкалирование.

Bivalent predicates' argument encoding in Neo-Aramaic varieties spoken in Urmiya, Krasnodar Krai

S. S. Say

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
serjzhka@yahoo.com

---

* Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00312 «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России». Я глубоко признателен А. К. Лявданскому, М. А. Овсянниковой, Е. А. Забелиной, А. А. Кузнецову и двум анонимным рецензентам за замечания к первой версии, учтенные мною на этапе редактирования. Все ошибки и неточности остаются на моей совести.

Abstract. The aim of this study is to identify valency classes in Northeastern Neo-Aramaic (NENA; < Semitic) varieties spoken in Urmiya, Krasnodar Krai. These varieties' homelands are in the borderland of the present-day Iran, Turkey and Iraq. NENA speakers settled in Urmiya following several waves of migrations and multiple contacts with other languages (Iranic, Turkic, Russian, etc.).

This study is part of a broad typological project based on a questionnaire comprising 130 bivalent predicates. Language-particular valency classes are identified based on devices employed for encoding two predefined arguments.

In the NENA varieties of Urmiya, the main encoding devices are verb indexing for subjects and (direct) objects and prepositions employed for flagging oblique arguments.

Compared to other languages of Eurasia, including, e.g., Hebrew and Standard Arabic, the NENA varieties of Urmiya display a moderately-sized class of transitive verbs, which is typical of the languages of the Caucasus and Eastern Europe. This class covers a cross-linguistically predictable set of meanings, but displays an unusual pattern of differential object marking, which simultaneously includes optional object agreement and optional flagging by the dative-like preposition *ka*.

Individual intransitive classes are, by contrast, rather unpredictable in a typological perspective. Unusual features include a systematic ablative-comitative syncretism and idiosyncratic competition between *mən* and *bi* in source-like arguments and between *ka* and *+al* in goal-like arguments.

Finally, the NENA varieties display valency patterns with an extraposed noun phrase unindexed on the verb. These patterns reflect a transitory stage between discourse-motivated fronting and a nascent type of integrated argument structure.

There is both language-internal and cross-linguistic evidence to the effect that the valency class system in the NENA varieties of Urmiya is in a diachronically unstable state, which arguably reflects multiple contact situations and dialectal diversity.

Keywords: Neo-Aramaic languages, Semitic languages, argument structure, valency classes, transitivity, differential object marking, prepositions, verb indexing, language contacts, multidimensional scaling.

1. Постановка задачи

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы установить модели кодирования актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах, представленных в селе Урмия (Краснодарский край), и выяснить, каким образом эти предикаты разбиваются на валентностные классы. Постановка такой задачи интересна по двум причинам.

Во-первых, село Урмия является единственным населенным пунктом на территории России, где носители новоарамейских идиомов,

идентифицирующие себя как ассирийцы, составляют большинство населения. Меж тем языковая ситуация в Урмии и возможные особенности идиомов, представленных в этом населенном пункте, на фоне различных (в целом более или менее хорошо описанных) новоарамейских языков и диалектов до сих пор систематически не изучались. Настоящее исследование — один из первых шагов в рамках проводимого в ИЛИ РАН проекта, нацеленного на решение этих задач.

Во-вторых, изучение маркирования актантов в новоарамейских идиомах продолжает типологический проект *BivalTyp*, посвященный валентностным классам (см. о нем в *Разделе 2.1*). Таким образом, собранные новоарамейские данные попали в обширный типологический контекст (в момент написания этого текста объем выборки составляет 83 языка), что позволило выявить необычные черты изучаемой языковой системы и в некоторой степени приблизиться к ареальной и исторической интерпретации наблюдаемых фактов.

Дальнейшее изложение в статье строится по следующей схеме. В *Разделе 2* обрисовывается методология исследования (2.1), приводятся базовые сведения об изучаемых идиомах (2.2) и описывается процедура сбора материала (2.3). В *Разделе 3* представлен основной эмпирический результат исследования: выявленные модели кодирования актантов и соответствующие классы предикатов. В *Разделе 4* предлагается попытка интерпретации полученных сведений в теоретическом и типологическом контексте.

2. Вводные сведения и процедура сбора материала

2.1. Теоретический и методологический контекст

Теоретические и методологические установки типологического проекта *BivalTyp*, посвященного изучению валентностных классов двухместных предикатов в языках мира, подробно изложены в [Сай (ред.) 2018; Сай (ed.) 2020]. Вкратце они сводятся к тому, что сопоставимость собираемых данных обеспечивается наличием единой анкеты [Сай и др. 2018], которая включает 130 двухместных предикатов, использованных в определенном семантико-синтаксическом контексте. Для каждого контекста априорно (с опорой на семантические свойства проторолей [Dowty 1991]) определялось, какой из актантов будет

считаться первым (X), а какой — вторым (Y). Таким образом, стимульные предложения могли выглядеть как, например, ‘У П. (X) болит голова (Y)’, ‘П. (X) познакомился с М. (Y) год тому назад’ и т. д. Для каждого языка собирались переводы стимульных предложений, удовлетворявшие определенным критериям. Основным критерий состоял в том, чтобы в полученном предложении именные группы, соответствующие актантам X и Y, были выражены как зависимые уровня клаузы. Далее для соответствующих именных групп фиксировались средства кодирования: зависимостного (падежи и адлоги), вершинного (личные показатели на глаголе) или в редких случаях связанные с порядком слов. Два конкретноязыковых предикатных выражения V1 и V2 считались относящимися к одному валентностному классу в том случае, если X-актант при V1 кодировался так же, как X-актант при V2, а Y-актант при V1 — так же, как Y-актант при V2.

Описанные процедуры позволяют устанавливать на эмпирических основаниях, i) каким образом в конкретных языках соотносятся классы переходных и двухвалентных непереходных предикатных выражений и ii) какие семантические признаки стоят за распределением конкретных предикатных выражений по валентностным классам. Также собранные данные позволяют iii) измерять, насколько различные языки похожи или различаются по параметрам, связанным с системой валентностных классов. Это в свою очередь позволяет увидеть, насколько кодирование актантов отражает генеалогические и ареальные факторы, и в конечном счете оценить диахроническую стабильность систем такого кодирования.

В настоящей статье все эти вопросы ставятся применительно к новоарамейским идиомам, представленным в селе Урмия.

2.2. Общие сведения о новоарамейских идиомах села Урмия

Классификации новоарамейских идиомов, выделению в рамках этого пространства языков и диалектов посвящена обширная литература [Лявданский 2009; Murre-van der Berg 1999: 3–5]. Все идиомы, представленные в Урмии, относятся к северно-восточному новоарамейскому (Northeastern Neo-Aramaic, NENA) кластеру¹.

---

¹ Их носители идентифицируют себя как «ассирийцы». Определение содержания этого этнонима потребовало бы подробного обсуждения диалектологических,

Историческая область расселения носителей северо-восточных арамейских идиомов находится на стыке современной юго-восточной Турции, Ирана (территория к западу от озера Урмия) и северного Ирака. Именно здесь сформировались основные северо-восточные новоарамейские диалекты (большинство из них по-прежнему называется по местностям и населенным пунктам этого ареала). Однако исторические события XIX и особенно XX века привели к многочисленным миграциям носителей новоарамейских идиомов с территорий их исконного расселения. Многие христиане-ассирийцы в результате нескольких волн миграций оказались в Закавказье, а позднее и на юге России. В частности, в 1924 году ассирийские переселенцы основали село Урмия (в данный момент относится к Курганинскому району Краснодарского края), где этнические ассирийцы до сих пор составляют большинство населения.

Несмотря на огромную символическую значимость Урмии для ассирийцев России, лингвистический ландшафт этого села до сих пор изучен недостаточно. Большинство ассирийцев села Урмия говорят на урмийском диалекте и считают себя представителями группы «урмижна(я)». Урмийский диалект исторически связан с равнинной областью вокруг города Урмия на территории современного Ирана. Многие ассирийцы, переселившиеся в село Урмия из Закавказья после распада СССР, говорят на разновидности урмийского диалекта, очень близкой к разговорному идиому, подробно описанному Дж. Кханом в [Khan 2016b], и, следовательно, к «ассирийскому литературному языку», в основе которого лежат урмийские диалекты. Однако язык потомков тех урмижна, которые жили в Урмии с момента ее основания, имеет свои особенности, отличающие его от языка поздних переселенцев, — эти особенности еще только предстоит систематически описать.

Помимо количественно преобладающих урмижна, в Урмии представлены и другие группы ассирийцев, в первую очередь — носители, идентифицирующие себя как «шапытна». Шапытна в основном представлены потомками первых жителей Урмии (видимо, среди первых переселенцев они были соизмеримы по численности с урмижна). В диалектологическом смысле шапытна, проживающие в Урмии, почти не изучены (некоторые наблюдения над их языком представлены в [Ovsjannikova et al. in prep.]). Видимо, к этому условному объединению относят носителей целого конгломерата диалектов, связанных

этнографических и конфессиональных сведений, что было бы неуместно в рамках этой статьи.

с горными районами на юго-востоке современной Турции². Разумеется, на современном этапе диалектная картина села Урмия осложняется многочисленными смещениями и в еще большей степени аттрицией.

Как бы то ни было, базовые факты грамматики, необходимые для анализа валентностных классов, во всех новоарамейских идиомах, представленных в селе Урмия, совпадают. В этих идиомах у имен отсутствует морфологический падеж. Зависимостное маркирование ограничено предлогами и префиксом *d-* (OVL), который присоединяется к некоторым указательным элементам в подлежащих позициях. Основной способ различения ядерных актантов — вершинное маркирование. Подлежащее (всегда) и прямое дополнение (при определенных обстоятельствах) индексируется на глаголе при помощи показателей лица, числа и рода³. Однако выбор «ряда» показателей для подлежащих и дополнений осуществляется в разных фрагментах видо-временной системы по-разному. В *Таблице 1* приводятся сведения о выборе рядов показателей в зависимости от формы глагола, при этом показатели двух типов обозначаются традиционными для арамеистики терминами: «S-суффиксы» и «L-суффиксы».

Таблица 1. Ряды согласовательных показателей в зависимости от вида и времени

Table 1. The choice of subject and object person indices in tense and aspect subsystems

	подлежащее	дополнение
система инфекта (PRS)	S-суффиксы (SS)	L-суффиксы (LS)
претерит (PST)	L-суффиксы (LS)	S-суффиксы (SS)
прогрессив (PROG)	показатели, восходящие к копуле (1M, 1F и т. д.)	притяжательные показатели (P)
результатив (RES)		

Как можно видеть, S-суффиксам и L-суффиксам сложно приписать стабильное грамматическое значение, ср. «зеркальную» интерпретацию

² Понятие «шапътна» исторически связано с топонимом Шапут, но в Урмии оно расширительно закрепилось отчасти на «отрицательных» основаниях — это носители разных горских диалектов, противопоставленных урмийским разновидностям и часто с Шапутом никак не связанных.

³ Также возможно индексирование непрямого дополнения при дитранзитивных глаголах типа ‘дать’, но здесь оно не будет рассматриваться.

S- и L-суффиксов в системе инфекта и претерита [Саркисов 2018]. Материальный облик основных алломорфов большинства рядов личных индексов представлен в *Таблице 2* (за рамками рассмотрения оставлены непрезентные формы копулы).

Таблица 2. Экспоненты показателей лица, числа и рода
Table 2. Exponents of person, number and gender indices

	S-суффиксы	L-суффиксы	копула (PRS) ⁴	притяжательные
1M	-ən	-li	=ən / =əna	-i
1F	-an		=an / =əna	
2M	-ət	-lux	=ət / =əta	-ux
2F	-at	-lax	=at / =əta	-ax
3M	∅	-lə	=əl(ə)	-u
3F	-a	-la	=əla	-o
1PL	-ax	-lan	=əx / =əxa	-an
2PL	-itun / -itux	-loxun	=ətun / =ətux	-oxun
3PL	-i // -e ⁵	-lun / -le	=əna / =ən	-e

Выбор между вариантами, разделенными в *Таблице 2* одной косой чертой, зависит от диалекта. Первым приводится основной урмийский вариант; варианты, приведенные после черты, можно условно считать «шаптыгнайскими», хотя их реальная идиолектная представленность в разных случаях различна.

Зеркальность систем использования личных индексов в инфекте и претерите проиллюстрирована в примерах (1a) и (1б). В примере (1в) проиллюстрировано употребление личных индексов в прогрессиве.

(1a) +bət-kaɬl-a-li
FUT-убить.PRS-SS.3F-LS.1SG
‘Она убьет меня.’

(1б) +kɬəl-a-li
убить.PST-SS.3F-LS.1SG
‘Я убил ее’.

(1в) +bəkɬal-u-la
убить.PROG-P.3M=3F
‘Она убивает его’.

⁴ Связки приводятся в той форме, в которой они используются в качестве энклитик в составе глагольных форм. В самостоятельном употреблении формы, представленные здесь с начальным ə, начинаются с i.

⁵ Выбор показателя зависит от синтаксической позиции: -i соответствует подлежащему, а -e — дополнению.

Порядок следования именных актантов — при их наличии — сам по себе не является средством выражения предикатно-актантных отношений (по частотности преобладают модели SOV и SVO).

2.3. Процедура сбора материала

Данные собирались летом 2019 года в селе Урмия. В общей сложности было собрано три полных версии анкеты, включающей 130 предложений (см. *Раздел 2.1*). Первая версия (консультант 1) получена от представителя «новых урмижна» (переселился из села Арзни в Армении в начале 1990-х годов); вторая (консультант 2) — от представителя группы «шапытна». Третья «сборная» версия анкеты получена от нескольких носителей (консультанты 3–8), представляющих несколько диалектных разновидностей.

Разбиение предикатов на валентностные классы представлено ниже в усредненном виде, без учета диалектных или идиолектных различий и других типов вариативности, однако примеры цитируются с сохранением диалектных особенностей. Вероятные диалектные различия при необходимости отражены в комментариях, особенно в *Разделе 4*. При записи⁶ и глоссировании примеров используется система, разработанная в рамках проводимого в ИЛИ РАН проекта по документации северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России.

3. Результаты

3.1. Общий обзор и сложности при сборе материала

В общей сложности при сборе данных по анкете, содержащей 130 предложений-стимулов, было получено 124 таких предикатных выражения, которые были «засчитаны» в качестве основного варианта, адекватного целям проекта. Еще в 6 случаях конструкции, удовлетворяющей необходимым критериям, получить не удалось. Сложности

---

⁶ Используемая система транскрипции во многом следует конвенциям, принятым в [Khan 2016], в частности знак «+» в начале слова обозначает специфическую супraseгментную характеристику, «эмфатичность».

были связаны либо с тем, что консультанты затруднялись выразить необходимое значение на родном языке ('влиять', 'зависеть' и т. п.), либо с тем, что в предложенной структуре один из ожидаемых актантов кодировался как зависимое не клаузального, а более низкого уровня. Так, значение 'мои руки пахнут бензином' выражалось при помощи конструкции, где существительное со значением 'бензин' определенно занимало позицию внутри именной группы, возглавляемой существительным 'запах'.

В полном виде собранные данные доступны для скачивания в [Say 2020]. Среди 124 засчитанных структур 49 были отнесены к классу переходных, а еще 14 попали в классы, где один из актантов обязательно кодируется предлогом *ka*, — их также есть смысл рассматривать в связи с проблемой переходности. Все эти 63 предиката обсуждаются в *Разделе 3.2*. Основную часть непереходных двухвалентных структур составляют конструкции, где один из актантов реализуется как каноническое подлежащее, а другой имеет косвенный статус и оформляется одним из предлогов. Семь классов такого типа (в общей сложности в них попадает 46 предикатов из анкеты) представлены в *Разделе 3.3*. Наконец, в *Разделе 3.4* обсуждаются особые структуры, в которых один из актантов имеет специфический «немаркированный» статус (5 классов такого типа покрывают 15 предикатов из анкеты).

3.2. Дифференцированное маркирование актантов, переходные глаголы и смежные валентностные классы

Переходные двухместные предикаты в новоарамейских идиомах Урмии в первую очередь характеризуются тем, что на них в принципе могут индексироваться оба актанта (см. *Раздел 2.2*). Однако если для подлежащего индексирование на предикате обязательно, то для прямого дополнения оно факультативно. Как следствие, при сборе данных по анкете для одного и того же стимула нередко фиксировались переводы, которые различались по наличию / отсутствию объектного согласования, как (2а) и (2б)⁷.

---

⁷ Конкретная пара примеров дополнительно различается оформлением третьего участника, 'рук(и)', что, вероятно, отражает возможность концептуализации руки как инструмента (2а) или контейнера (2б). Хотя вариативность в оформлении первых двух актантов также нередко встречалась в собранных данных, конкуренция

- (2а) *brata ctava dvəkt-u=la p̄ id-o*
 девочка(Ф) книга(М) схватить.RES.F-P.3M=3F с рука(Ф)-P.3F
 ‘Девочка держит книгу в руке’. (букв. ‘рукой’, консультант 1)
- (2б) *brata dvəkt=ala ctava gu idat-o*
 девочка(Ф) схватить.RES.F=3F книга(М) в рука(Ф).PL-P.3F
 ‘Девочка держит книгу в руках’. (консультант 2)

Ситуация, когда объектное согласование грамматически факультативно («дифференцированное индексирование объекта»), типологически распространена [Siewerska 1999; Iemmolo 2011; Haig 2018]. Видимо, в северо-восточных новоарамейских языках выбор стратегии зависит от определенности объекта и информационной структуры. Такая картина описывалась как для близкородственных новоарамейских идиомов [Coghill 2014] и [Khan 2008: 782], так и для некоторых других языков (например, иранских, уральских и банту, см. ссылки и примеры в [Coghill 2014; Haig 2018: 789]). Непосредственно для идиомов Урмии проблема факторов, влияющих на оформление прямого дополнения, пока подробно не изучалась, но в любом случае ее решение не влияет на определение границ класса переходных глаголов: для всех них объектное согласование возможно, хотя и не обязательно.

Некоторые северо-восточные новоарамейские идиомы примечательны тем, что в них наряду с дифференцированным индексированием объекта одновременно представлено и дифференцированное зависимостное маркирование объекта («differential object flagging») [Coghill 2014]. Чаще всего при дифференцированном зависимостном маркировании прямое дополнение альтернирует между немаркированной реализацией и маркированием таким предлогом, в круг значений которого входит оформление реципиента при дитранзитивных глаголах⁸. Такая конфигурация представляет собой стабильное явление в новоарамейских идиомах, но сами предлоги «дательной зоны» в разных идиомах могут быть неродственны друг другу [Coghill 2014: 340]. Единственный предлог, для которого подобная полифункциональность

между предложениями *bi*, алломорфом которого является *p̄* в примере (2а), и *gu* в собранных материалах не фиксировалась.

⁸ Возможно, самый известный пример подобной системы — факультативное использование предлога *a* для кодирования прямых дополнений в испанском языке. Однако аналогичные сценарии обнаружены во множестве языков [Bossong 1991].

зафиксирована в Урмии, — это предлог *ka*⁹. В примере (3) предлог *ka* оформляет непрямое дополнение (позицию прямого дополнения занимает ‘еда’), а в примере (4а) — прямое.

- (3) *hi-la* *ğáldə* *kat* +*maxl-á-l*,
 прийти.PST-LS.3F быстро COMP кормить.PRS-SS.3F-LS.3M
 +*xálda* *ka* *xətuán-o* *míyu-a*
 еда(F) к свекор(М)-P.3F принести.PRS-SS.3F
 ‘Быстро пришла, чтобы накормить, принести еду своему свекру’.
 (тексты, записанные в Урмии)

- (4а) *švava* +*kʔəl-lə* *ka* *švot-u*
 сосед(М) убить.PST-LS.3M к соседка(F)-P.3M
 ‘Сосед убил соседку’. (консультант 1)

Основной аргумент за то, чтобы считать конструкцию в (4а) переходной, состоит в том, что тот же глагол (и иногда у того же носителя) может использоваться и в несомненной переходной конструкции, см. (4б).

- (4б) *švava* *švot-u* +*kʔil-a-l*
 сосед(М) соседка.(F)-P.3M убить.PST-SS.3F-LS.3M
 ‘Сосед убил соседку’. (консультант 1)

В собранных материалах прямое дополнение почти никогда не кодируется одновременно и предлогом *ka*, и объектным суффиксом. Такая дополнительная дистрибуция уже фиксировалась на урмийском материале [Khan 2016b, Vol. II: 256–257; Саркисов 2017: 364]. Интересно, что в диалекте тель-кепе (южная группа северно-восточных новоарамейских идиомов) зафиксирована обратная ситуация: «flagging is normally only used in conjunction with agreement on the verb» [Coghill 2014: 342].

Итак, в число переходных включались такие предикаты, которые могут использоваться в конструкциях с двумя актантами без предлогов, обязательным субъектным согласованием и факультативным объектным согласованием, как в (2), (3) и (4б), при этом некоторые из них

⁹ Примерно та же картина наблюдается в литературных урмийских текстах XIX века [Mugge-van der Berg 1999: 211–212]. В литературном ассирийском языке, использовавшемся в СССР, прямое дополнение также могло маркироваться предлогом *l-* [Саркисов 2017: 379–381, Церетели 1964: 85; Агасиев 2007: 157].

иногда также допускали и конструкцию с предлогом *ka*¹⁰. При таком подходе в класс переходных были отнесены 49 предикатов из анкеты¹¹: [4] ‘бросить’ +*rappə*; [8] ‘взять’ *šakəl*; [9] ‘видеть’ *hazə*; [15] ‘гнать’ +*tarə*; [16] ‘гнуть’ +*ṭayəp*; [18] ‘держать’ *davək*; [20] ‘доить’ +*xaləv*; [26] ‘есть’ +*axəl*; [27] ‘жарить’ *kalə*; [29] ‘забыть’ *manšə*; [31] ‘звать’ +*karə*; [32] ‘знакомиться’ +*yaṭṭə*; [33] ‘знать’ +*yaṭṭə*; [36] ‘изготовить’ +*tarəs*; [40] ‘красить’ *maxə rang* (букв. ‘ударять краску’); [41] ‘кусать’ +*karəṭ*; [43] ‘ловить’ *davək*; [44] ‘ломать’ +*šaməṭ*; [46] ‘любить’ +*baṭyūə*; [47] ‘махать’ +*šayəš*; [49] ‘мыть’ +*xalləl*; [50] ‘надеть’ *lavəš*; [54] ‘наполняться’ *malə*; [55] ‘находить’ *mašəx*; [63] ‘открывать’ *patəx*; [66] ‘пахать’ +*tarə*; [68] ‘пересечь’ +*avər*; [69] ‘петь’ *zamər*; [70] ‘писать’ *catəv*; [71] ‘пить’ *šatə*; [72] *mapšər* ‘плавить’; [76] ‘помнить’ *taxər*; [78] ‘понимать’ +*parmə*; [85] ‘родить’ *barə*; [86] ‘ронять’ *manpəl*; [91] ‘слушать’ +*šammə*; [93] ‘слышать’ +*šammə*; [96] ‘снять’ *šaləx*; [97] ‘сниться’ *hazə bi xulma* (букв. ‘видеть во сне’); [100] ‘стоять’ +*dakər*; [102] ‘насыпать’ *darə*; [103] ‘терять’ *talək*; [105] ‘убить’ +*kaṭəl*; [106] ‘ударить’ *maxə*; [107] ‘целовать’ *našək*; [108] ‘читать’ +*karə*; [109] ‘шевелить’ *mağvəğ*; [110] ‘уважать’ *maṭyūəb*; [121] ‘хотеть’ +*baṭyūə*.

В анкете встретились и предикатные выражения, при которых использование предлога *ka* для кодирования одного из актантов было обязательным: они могут использоваться в конструкции, проиллюстрированной в (4а), но не в конструкции, проиллюстрированной в (4б). Такие предикатные выражения не включались в класс переходных. Строго говоря, некоторые из них являются переходными, но их прямым дополнением является какой-то третий актант, а не актанты X и Y, заложенные в анкете. Так, при глаголе [17] ‘говорить’ *tanə* позицию прямого дополнения может занимать обозначение произнесенного текста (дополнения

---

¹⁰ Верно ли это для всех глаголов, отнесенных к числу переходных, пока что систематически проверено не было: в основном предлог *ka* допускают объекты, занимающие высокое положение на иерархиях одушевленности и определенности, а для некоторых глаголов поиск употреблений в соответствующих контекстах составляет определенную трудность.

¹¹ Здесь и далее для каждого предиката приводится та модель, которая была идентифицирована как основная (о критериях выбора основной модели см. [Сай и др. 2018]), хотя на самом деле во многих случаях возможна вариативность управления. Номера в квадратных скобках соответствуют номеру предиката в анкете [ibid.], а приводимые значения — тем значениям, которые были заложены в анкете (реальные новоарамейские глаголы могут быть гораздо более многозначны, чем видно по приводимому переводу).

вроде ‘слова’, ‘глупость’), в то время как актанты X и Y соответствуют говорящему и слушающему — последний как раз и кодируется предлогом *ka*. В материалах встречаются и собственно двухместные предикаты, при которых один из актантов обязательно кодируется предлогом *ka*, как в (5).

- (5) *a camar bəlxam=əl ka +oym-i*
 DEM1.SG пояс(М¹²) подходить.PROG=3М к платье(Ф)-P.1SG
 ‘Этот пояс подходит к моему платью’. (консультант 1)

Предикатные выражения, требующие предлога *ka*, распадаются на два класса. В более обширном классе актант X занимает позицию подлежащего, а предлогом *ka* кодируется актант Y. В этот класс (он может быть обозначен как <SBJ; *ka*>) были отнесены 11 предикатов из анкеты: [13] ‘выиграть’ +*karəm*; [17] ‘говорить’ *tanə*; [19] ‘догнать’ +*matə*; [45] ‘лстить’ *maxə məšxa* (букв. ‘бить масло’); [52] ‘наказывать’ +*savər*¹³; [62] ‘отвечать’ *yavvəl +ğuvvab* (букв. ‘ответ давать’); [73] ‘подходить’ *laxəm*, см. (5); [75] ‘покрывать’ *massəs*; [77] ‘помогать’ *avəd comac* (букв. ‘делать помощь’); [82] ‘проиграть’ (кому) +*makrəm*; [92] ‘слушаться’ +*šammə*. Еще 3 предиката попали в класс <*ka*; SBJ>, где предлогом *ka* кодируется актант X, а актант Y занимает позицию подлежащего: [5] ‘хватать’ *xazə* (букв. ‘видеть’); [56] ‘недоставать’ NEG + *xazə* (букв. ‘не видеть’); [57] ‘нуждаться’ +*lazəm* (неглагольный предикат), см. (6).

- (6) *ka ayuə baxta +lazəm=ən zuzə*
 к DEM2.F женщина(Ф) необходимый=3PL деньги.PL
 ‘Этой женщине нужны деньги’. (консультант 3, «шапытна»)

Противопоставление переходного класса и классов с предлогом *ka* представлено здесь как более отчетливое, чем, вероятно, оно является на самом деле¹⁴. Показательны в этом отношении переводы, полученные

¹² Род существительного *camar* ‘пояс’, видимо, подвержен колебаниям: он обозначен как женский в [Khan 2016b, Vol III: 116], но как мужской в [MacLean 1901: 135], что соответствует примеру (5).

¹³ Основное значение этого глагола — ‘ругать’. Возможно, его семантика в речи части носителей расширяется, а возможно, речь идет о не вполне аккуратном переводе стимульного предложения. Глагол +*taləm* ‘наказать, проучить’ при эликации зафиксирован не был.

¹⁴ Так, для некоторых предикатных выражений, отнесенных к классу <SBJ; *ka*>, например для [19] ‘догнать’ +*matə* и [75] ‘покрывать’ *massəs*, беспредложное

для стимулов с предикатами [91] ‘слушать’ и [92] ‘слушаться’. В них использовался один и тот же глагол — +*šammə*, но в первом случае актант Y оставался немаркированным, а во втором — оформлялся предлогом *ka*. В результате эти два случая были отнесены к разным валентностным классам, хотя на самом деле здесь наблюдается лишь семантизация (возможно, и частичная лексикализация) тех контрастов, которые обычно ассоциируются с дифференцированным маркированием объекта.

Последний пример является частным случаем более широкой проблемы: актанты, которые маркируются предлогом *ka*, — это в подавляющем большинстве случаев одушевленные, личные участники (см. лексические списки чуть выше). Поскольку одушевленность — один из основных факторов, регулирующих дифференцированное маркирование актантов, получается, что в данном случае совсем не просто понять, идет ли речь на самом деле о двух разных валентностных классах предикатных выражений или всего лишь о выборе способа кодирования в рамках единого переходного класса.

3.3. Непереходные модели управления с предлогами

В большинстве непереходных двухместных моделей один из актантов является каноническим подлежащим, а второй оформляется одним из предлогов и никогда не индексируется на глаголе. По структуре все такие конструкции похожи на уже рассмотренные модели с предлогом *ka*. В качестве иллюстрации можно сравнить конструкцию с предлогом +*al* (7) и пример (5) с предлогом *ka*.

- (7) +*avvo yala bədmay=əl +al savun-u*
 DEM3.M мальчик(М) напоминать.PROG=3M на дедушка(М)-P.3M
 ‘Этот мальчик похож на своего дедушку’. (консультант 1)

В таких моделях позицию подлежащего почти всегда (45 случаев из 46) занимает первый из заданных в анкете актантов (X), а предлогом оформляется второй актант (Y), как в (7). Из-за структурного единообразия сами по себе эти модели дальше обсуждаться не будут. Интересны они в первую очередь тем, каким образом 45 предикатов

оформление второго актанта встречается в Корпусе христианского урмийского (<http://neo-aramaic.web-corpora.net/>) [А. К. Лявданский, л. с.] и иногда оценивалось как маргинально допустимое консультантами, живущими в Урмии.

разбиваются на 6 моделей с разными предлогами. Далее модели приводятся по убыванию частотности.

Второй актант оформляется предлогом *mən* (также имеет вариант *m*) при 15 предикатах: [3] ‘бояться’ +*zadə*; [11] ‘встретиться (случайно)’ *tapək*; [14] ‘выходить’ +*palət*; [23] ‘драться’ +*paləš*; [24] ‘дружить’ *avəd* +*xorvayta* (букв. ‘делать дружбу’); [35] ‘избегать’ +*tašə gana* (букв. ‘прятать себя’); [64] ‘отличаться’ *parəš*; [65] ‘отставать’ *payəš* +*baray* (букв. ‘оставаться сзади’); [74] ‘покидать’ *azəl* (базовый андативный глагол, значение ‘покидать’ возникает в сочетании с предлогом *mən*); [84] ‘разговаривать’ *hamzəm*; [90] ‘слезать (с лошади)’ +*salə*; [98] ‘соглашаться’ *avə* +*razi* (букв. ‘быть согласным’); [99] ‘ссориться’ +*makrəs*; [111] ‘брезговать’ *gangəz*; [130] ‘стесняться’ *naхəp*.

Предлогом *bi* (имеет варианты *b*, *p*, а также — как минимум у некоторых консультантов — *bət*, возможно, вследствие контаминации) второй актант оформляется при 11 предикатах: [2] ‘болеть’ (в контекстах типа ‘X болеет Y-ом’) +*marrə*; [22] ‘дотрагиваться’ *kaуət*; [37] ‘издеваться’ *gaxəc*; [80] ‘порезаться’ *parəm gana* (букв. ‘порезать себя’); [83] ‘обрадоваться’ *xadə*; [94] ‘смешаться’ +*xavət*; [112] ‘быть довольным’ *avə* +*razi* (букв. ‘быть довольным’); [114] ‘доверять’ *avə* +*ərxay* (букв. ‘быть надежным’; вероятно, диалектная реализация, ср. +*arxayən* в [Khan 2016b, Vol. III: 90]); [116] ‘завидовать’ *baххəl*; [118] ‘удивиться’ +*əğğəb*; [120] ‘наслаждаться’ *avəd ceур* (букв. ‘делать удовольствие’).

Предлогом +*al* оформляются вторые актанты при 10 предикатах: [6] ‘быть похожим’ *damə*, см. (7); [7] ‘верить’ *hammən*; [21] ‘достичь’ +*matə*; [28] ‘ждать’ *xaməl*; [34] ‘играть (на музыкальном инструменте)’ +*tavəl*; [53] ‘нападать’ *narəl* (букв. ‘падать’); [81] ‘прилипнуть’ +*šayuyə*; [95] ‘смотреть’ *gašək*; [117] ‘злиться’ = [122] ‘сердиться’ *carəb*.

Предлогом *gu* оформляется второй актант при 4 предикатах: [12] ‘войти’ +*avər*; [79] ‘попасть’ (ср. ‘молния попала в дом’) *maxə*; [101] ‘стрелять’ *čarət*; [104] ‘тонуть’ +*tabbə*.

Еще при 4 предикатах второй актант оформляется предлогом +*bar*: [25] ‘думать’ *taxmən*; [39] ‘искать’ +*tavvə*; [88] ‘скучать’ *maxnə*; [89] ‘следовать’ *azəl* (это базовый андативный глагол, значение ‘следовать’ возникает в контексте предлога +*bar*).

Особую модель можно усмотреть у предиката [42] ‘лишиться’ *payəš* (букв. ‘остаться’): при нем актант Y оформляется двухчастным маркером *la b* (показатель отрицания и алломорф предлога *bi*).

Наконец, фиксируются и модели, где позицию подлежащего занимает второй актант, заложенный в анкете, Y, а предлогом оформляется

первый актант, X. Помимо модели с предлогом *ka*, рассмотренной выше, см. (6), была зафиксирована и аналогичная конструкция с предлогом *sas* — для предиката [61] ‘оставаться’ *paš-lə*, см. (8).

- (8) *sas yala sura paš-lə əmta*
 у мальчик(М) маленький.М остаться.PST-LS.3М сто
 +*manət zuzə*
 рубль(М) деньги.PL
 ‘У мальчика осталось сто рублей’. (консультант 4, «шапытна»)

3.4. Нестандартные валентностные классы

Последняя группа моделей объединяется тем, что в них как минимум один из актантов не получает предложного маркирования (как подлежащее или прямое дополнение), но при этом не может индексироваться на предикате (в отличие от подлежащего или прямого дополнения). Так, в примере (9) этот особый синтаксический статус имеет актант X, ‘девочка’ (актант Y, ‘голова’, занимает позицию подлежащего и вызывает индексирование на глаголе).

- (9) *brata riš-o +mray=əl / *+mray=əla*
 девочка(F) голова(М)-P.3F болеть.PROG=3М / болеть.PROG=3F
 ‘У девочки болит голова’. (консультант 1)

Можно было бы предположить, что в примере (9) ‘девочка’ входит в состав именной группы, возглавляемой названием части тела. На самом деле это не так, о чем говорят как минимум три факта. Во-первых, последовательность *brata riš-o* не может реферировать к одному объекту — ‘голове девочки’ — в нейтральных контекстах, где ‘девочка’ заведомо не является топиком. Во-вторых, эта последовательность нарушает ожидаемые свойства единой именной группы, в частности может разрываться обстоятельствами уровня клаузы, например, *adiyu* ‘сейчас’. В-третьих, обычно приемные посессивные отношения, включая отношения части тела и обладателя, выражаются в изучаемых идиомах по-другому — при помощи «релятора» *ət*, как в (10):

- (10) *riš=ət brata +mray=əl*
 голова(М)-REL девочка(F) болеть.PROG=3М
 ‘У девочки болит голова’. (консультант 1)

При определенных обстоятельствах релятор может клитизироваться к посессору, менять облик или даже опускаться [Khan 2016b, II: 70–79], однако последовательность из примера (9) невозможно возвести к посессивной именной группе, в частности из-за порядка слов. Меж тем именно конструкция в (9) является нейтральным способом выразить значение ‘у X-а болит Y’ (по крайней мере для части носителей).

Возможная трактовка конструкций типа (9) в том, что синтаксическим актантом предиката здесь является посессивный суффикс, присоединенный к названию части тела, а именная группа *brata* ‘девочка’ лишь дублирует этот актант на левой периферии клаузы. При таком подходе эти конструкции можно трактовать как случаи «экстрапозиции» — дискурсивно обусловленного и грамматически факультативного вынесения топикальной составляющей налево. Экстрапозиция в урмийском новоарамейском, включая вынесение элемента, связанного с ядерным актантом клаузы посессивными отношениями, подробно проанализирована в [Khan 2016a; Khan 2016b, II: 385–400]. Дж. Кхан различает два типа экстрапозиции, противопоставленных по степени интеграции вынесенного элемента в состав клаузы. Отсутствие просодической границы в элицитированных примерах типа (9) говорит о высокой степени интеграции, т. е. позволяет отнести эти конструкции к тому типу, который Дж. Кхан обозначает «Ex1» [Khan 2016b, II: 386].

Дискурсивно обусловленная экстрапозиция фиксируется во многих языках мира, в частности она широко представлена в новоарамейских идиомах. Обычно ее нет смысла обсуждать в связи с выявлением валентностных классов предикатных выражений, потому что она используется для создания «производных» конструкций на базе нейтральных, лексически заданных. Типичный пример дискурсивной экстрапозиции посессора в конструкции с одноместным глаголом из диалекта тель-кепе представлен в (11).

- (11) *xa-gorv məθ-lv baxt-e*
a-man died-3F.SG wife-his

‘A certain man, his wife died...’ [Coghill 2014: 339]

Однако в ходе сбора материала в Урмии обнаружилось, что для некоторых предикатных смыслов конструкция с экстрапозицией является **основным** способом передать необходимое значение, по крайней мере при условии, что двум заложенным в анкету актантам соответствовали

полноценные именные группы¹⁵. Использование конструкции с экстрапозицией в качестве основного переводного эквивалента стимула явно обуславливалось лексической семантикой конкретных предикатов, что типично для валентностных классов. Для иллюстрации различий между обычной дискурсивной экстрапозицией и лексически обусловленной экстрапозицией можно сравнить примеры (11) и (9). В (11) экстрапозиция связана с тем, что говорящему по каким-то причинам потребовалось референциально «привязать» умершую женщину к некоторому дискурсивно важному протагонисту, ‘мужчине’. Этот факт не имеет отношения к семантической структуре глагола ‘умереть’. Напротив, для глагола +*marrə* ‘болеть’ дискурсивная значимость экспериенцера (того лица, в некоторой части тела которого локализована боль) является **дефолтной** ситуацией¹⁶. Именно поэтому предикат [1] ‘болеть’ +*marrə* был отнесен к особому двухместному классу¹⁷, обозначенному как <BARE; SBJ> — символом «BARE» обозначена немаркированная вынесенная именная группа, в данном случае так кодируется актант X (экспериенцер-посессор). Такое решение несколько произвольно, поскольку тот же предикат в принципе может использоваться и в обычной одноместной конструкции (10); выбор был сделан с опорой на бóльшую естественность модели <BARE; SBJ> при выражении нужного значения¹⁸.

---

¹⁵ Возможно, для части обсуждаемых в этом разделе предикатов использование с двумя участниками, каждый из которых выражен полноценной именной группой, не вполне типично. Так, беглый просмотр данных Корпуса христианского урмийского (<http://neo-aramaic.web-corpora.net/>) показывает, что в большинстве случаев глагол ‘болеть’ +*marrə* имеет один лексически выраженный актант, а экспериенцер выражается лишь притяжательным показателем. Однако если и экспериенцер выражается лексическими средствами, то он как раз оказывается в экстрапозиции, ср. *Serjozqa livvi trɔbɔ*, букв. ‘Сережка сердце-его заболело’ (сохранена орфография Корпуса).

¹⁶ Такая картина типологически ожидаема для конструкций с названиями частей тела [Hopper, Thompson 1985: 167; Dahl, Kortjevskaja-Tamm 2001: 209]. См. также [Khan 2016b, II: 398] о том, как склонность к экстрапозиции различает разные типы глаголов, в частности, противопоставляет другим глаголам глаголы с экспериенцерами.

¹⁷ В принципе предикаты со значением боли могут вести себя как одноместные, ср. (10), но типологически более распространены ситуации, когда и часть тела, и экспериенцер при таких предикатах реализуются как самостоятельные аргументы [Reznikova et al. 2012: 443–446].

¹⁸ Именно конструкция с экстрапозицией предлагалась в качестве первой реакции на стимул, а конструкция без экстрапозиции порождалась (или одобрялась) лишь при дальнейшей элицитации.

Конструкции, где один из актантов имел статус «BARE», были зачислены как основной способ кодирования для 15 предикатов из анкеты. Эти «нестандартные» случаи разнородны, а их разделение на валентностные классы того же уровня, что и классы, рассмотренные в *Разделах 2.2 и 2.3*, отчасти условно. В уже упомянутый класс <BARE; SBJ> попал еще один предикат: 129 ‘симпатизировать’ +*avər gu ləbba* (букв. ‘входить в сердце’). В конструкциях с этим предикатным выражением, как и в (9), первый актант (экспериенцер) индексируется с помощью посессивного показателя не на глагольной вершине, а на именном выражении (в данном случае *ləbba* ‘сердце’), с которым, однако, он не образует единую составляющую.

Последнее разобранное предикатное выражение имеет общие черты с выражениями, демонстрирующими самую частотную «нестандартную» модель — <BARE; *mən*>, см. (12).

- (12) +*Aşur xoş-u bitay=əla*
 Ашур(М) счастье(Ф)-Р.3М приходить.PROG=3F
mən d-a +sudra
 от OBL-DEM1.SG рубашка(Ф)
 ‘Аштуру нравится эта рубашка’. (консультант 1)

Синтаксическое подлежащее здесь — абстрактное существительное *xoş* ‘счастье’, именно оно индексируется на глаголе¹⁹. Однако оно входит в идиоматическое выражение (букв. ‘счастье приходит’), имеющее значение ‘нравиться’. Экспериенцер кодируется здесь при помощи посессивного показателя на существительном *xoş* (и при необходимости дублируется вынесенной именной группой), а стимул — при помощи предлога *mən* (такое кодирование стимула характерно и для глаголов с моделью <SBJ; *mən*>, см. 2.3). Как и в модели <BARE; SBJ>, в элицированных структурах типа (12) не фиксировалась интонационная пауза после вынесенной именной группы. Таким образом, и здесь экстрапозиция — это базовый способ лексически выразить актант X.

Предпочтительность экстрапозиции для новоарамейских эквивалентов предикатов [129] ‘симпатизировать’ (+*avər gu ləbba*, букв. ‘входить в сердце’) и [58] ‘нравиться’ (*xoş atə*, букв. ‘счастье приходит’) тесно связана с их перифрастической природой. В этих случаях

¹⁹ В словаре Дж. Кхана оно записано как существительное мужского рода [Khan 2016b, III: 331], но и в Урмии, и даже в материалах самого Дж. Кхана оно обычно выступает как существительное женского рода.

за приоритетную дискурсивную позицию конкурируют, с одной стороны, одушевленный экспериенцер, пусть и не вступающий с глаголом в непосредственные синтаксические отношения, и название части тела или абстрактное существительное, являющееся формальным подлежащим, но находящееся в нижней части иерархии индивидуированности / одушевленности [Comrie 1989: 185–200, Sasse 1993: 659, Jie, Liang 2018]. В таком «соревновании» побеждает обычно одушевленный участник — и регулярная экстрапозиция оказывается удобным способом решить конфликт между дискурсом и синтаксисом²⁰. Показательно, что для всех 8 предикатов из анкеты, для которых была зачислена модель <BARE; *mən*>, зафиксированное предикатное выражение представляло собой перифрастическую структуру описанного типа: [57] ‘ненавидеть’ *labbā pakkā* (букв. ‘сердце разрываться’), уже обсуждавшийся [58] ‘нравиться’ *hoš atā* (букв. ‘счастье приходить’) — это же выражение было засчитано в качестве эквивалента предикатам [113] ‘влюбиться’ и [119] ‘любить-2 (чай)’, [123] ‘обижаться’ *ceyr rayāš* (букв. ‘настроение оставаться’); [126] ‘презирать’ + *aynā* + *palāt* (букв. ‘глаза выходить’); [127] ‘огорчаться’ *labbā marayāš* (букв. ‘сердце оставаться’); [128] ‘раздражаться’ *labbā +sarāx* (букв. ‘сердце разгневаться’)²¹. Интересно, что в курдском языке для выражения большинства этих значений также используются перифрастические конструкции, часто дословно эквивалентные приведенным здесь (анонимный рецензент, л.с.); этот факт может быть релевантен для интерпретации полученных данных (см. ниже).

Дж. Кхан показывает, что вынесенные экспериенцеры в конструкциях типа Ex1 (то есть с высокой степенью интеграции) продвигаются по пути от топика к подлежащему [Khan 2016b, II: 385–400]. Его аргументы включают тот факт, что в таких конструкциях выносятся даже нереперентные именные группы, заведомо не претендующие на статус дискурсивного топика:

- (13) *hāč*   *nāša*   *lābb-u*   *lé*   +*tālāb*
           никакой   человек(м)   сердце(м)-Р.ЗМ   NEG2   просить.PRS

²⁰ О непригодности подлежащих типа ‘счастье’ или ‘доброта’ на роль топика и о том, что в подобных конструкциях экстрапозиция является нормой («is the norm»), см. [Khan 2016b, II: 395].

²¹ Ср. «[i]n constructions containing experiencer arguments, the experiencer is sometimes not the immediate subject but rather the nominal expressing what is experienced» [Khan 2016b, II: 395].

šárva kǎšta

суп(Ф) холодный.Ф

‘Никто не любит холодный суп’. [Khan 2016b, II: 389]²²

К уже рассмотренным актантным классам примыкают еще два. В одном из них (он может быть обозначен как <BARE; BARE>) оба ожидаемых актанта не индексируются на глаголе и не оформляются предлогами, см. (14), где на глаголе индексируется род существительного *+xʃita* ‘грех’.

(14) *aha naša +xʃit=ət yəmm-u bitay-əla*
DEM1.SG человек(М) грех(Ф)=REL мать(Ф)-Р.3М прийти.PROG=3F

‘Этот человек жалеет свою мать’. (консультант 5, урмижна)

В этот класс было включено два предиката: [115] ‘жалеть’ *+xʃita atə* (букв. ‘грех приходить’), проиллюстрированный в (14), и [51] ‘называться’ *avə šəmna* (букв. ‘быть имя’), имеющий именную природу (различия между этими двумя типами предикатных выражений здесь обсуждаться не будут).

Еще один малый нестандартный класс имеет формулу <SBJ; BARE>: здесь X — синтаксическое подлежащее, а актант Y не маркируется предлогами, но и не индексируется на глаголе. Пример такой модели приведен в (15)²³, где снова используется перифрастическая конструкция с экспериенцером, но в этом случае выражается значение каузации эмоции.

(15) *a naša +raba ləbb=ət baxt-u*
DEM1.SG человек(М) очень сердце(М)=REL жена-Р.3М

²² Транскрипция и глоссы в этом примере незначительно отредактированы — в соответствии с конвенциями, принятыми при записи материалов из Урмии.

²³ Разумеется, сам глагол, использованный в (15), является переходным (позицию прямого дополнения занимает существительное *labba* ‘сердце’). Особое поведение этого глагола обсуждается лишь постольку, поскольку в рамках проекта принята установка рассматривать кодирование двух заранее определенных актантов, в данном случае это ‘человек’ (X) и ‘жена’ (Y). Вместе с тем собственно пример (15) не соответствует тому требованию, что оба актанта должны реализовываться как зависимые клаузального уровня, поскольку Y (‘жена’) занимает здесь позицию посессора, не подвергнувшись экстрапозиции. Несмотря на это, было принято решение оставить этот предикат в выборке, поскольку в принципе при нем возможна экстрапозиция участника Y, пусть она и не настолько естественна, как в тех случаях, когда экспериенцер соответствует актанту X.

tuppəš-lə

опустить.PST-LS.3M

‘Этот человек очень огорчил свою жену’. (консультант 6, ур-мижна)

В соответствующий класс, помимо [124] ‘огорчать’ *tuppəš labba* (букв. ‘опустить сердце’), попал [87] *avə +gura* ‘руководить’ (букв. ‘быть большой’).

Наконец, совершенно особым кодированием актантов характеризуется предикат [38] ‘иметь’ *ət*, см. (16).

(16) *švot-i*   *ət-la*   *suysvaʔ*
соседка(F)-P.1SG   EXI-LS.3F   лошадь(M).PL

‘У моей соседки есть лошади’. (консультант 1)

Посессор в предикативной посессивной конструкции индексируется на экзистенциальной копуле при помощи L-суффикса, но по синтаксическим свойствам скорее ведет себя как подлежащее [Khan 2016b, II: 396]. Судя по всему, эта конструкция подверглась синтаксической реинтерпретации (reanalysis): она восходит к конструкции с вынесенным топиком, но синхронно экстрапозиция посессора обязательна и не связана с топикальностью напрямую (хотя посессор является наиболее естественным топиком в предикативных посессивных конструкциях) [ibid.]. Существенно, что обладаемое на предикативной вершине *ət* не индексируется; так, в примере (16) невозможно использование индексов множественного числа²⁴.

Посессивная конструкция с экзистенциальной копулой *ət* объединяет в себе черты сразу трех стратегий, выделенных в типологии предикативной посессивности Л. Стассена [Stassen 2009, 2013]. С одной стороны, она похожа на экзистенциальные конструкции, в которых посессор имеет тот или иной косвенный (дативный или локативный) статус, — такой макротип Стассен называет «Locational possessive» [Stassen 2013]. Действительно, по крайней мере исторически посессор в конструкциях типа (16) индексируется при помощи косвенного

²⁴ Отсутствие индексирования касается ожидаемых показателей рода и числа для обладаемых третьего лица, как в (16). При необходимости выразить маргинальные значения с обладаемыми 1-го или 2-го лица (‘У твоей мамы есть ты’ и т. п.) консультанты прибегают к структуре, основанной на комитативной стратегии (букв. ‘твоя мама с тобой’ и т. п.).

средства, восходящего к маркеру дативной зоны. С другой стороны, обязательная экстрапозиция посессора как минимум диахронически связана с его топикальным статусом, что сближает обсуждаемые структуры с тем типом, которые Л. Стассен называет «Topic possessive». Наконец, синхронно посессор приобретает синтаксические свойства подлежащего. Если мысленно довести процесс грамматикализации, проиллюстрированной в примере (16), до логического завершения, то необычность посессивной конструкции будет лишь в том, что подлежащее индексируется L-суффиксами, которые в системе инфлекта обычно ассоциируются с дополнениями. Синтаксическая реинтерпретация («reanalysis») бывших дополнений хорошо задокументирована в истории новоарамейских языков: именно она лежит в основе используемой в формах претерита схемы индексирования, где подлежащее индексируется L-суффиксами [Khan 2016b, II: 397]. Таким образом, предикативная посессивная конструкция обладает и определенными чертами той стратегии, которую Л. Стассен обозначает как «'Have'-possessive». Среди прочего, новоарамейские данные интересны тем, что показывают, как может осуществляться переход от одного типа стратегии к другому.

4. Обсуждение и ареально-типологический комментарий

Среди 124 предикатов, для которых были идентифицированы эквиваленты, удовлетворяющие заложенным в проекте критериям, переходных оказалось 49. Таким образом, по этим данным «индекс переходности» в новоарамейских идиомах Урмии равен 0,40 (= 49/124). На типологическом фоне это весьма низкое значение индекса (ср. обзор в [Say 2014: 135–137; Сай 2018: 576–579]): этот индекс имеет более высокие значения в большинстве других языков, вошедших в выборку²⁵, включая оба представленные в ней семитских языка — иврит (0,48) и литературный арабский (0,61) — и те немногочисленные языки

---

²⁵ Выборка не только ограничена по объему (83 языка), но и очень неравномерна в ареальном отношении: в ней преобладают языки (северной) Евразии. Как следствие, типологический комментарий к новоарамейским данным следует в основном понимать как сопоставление с (северно-)евразийским фоном.

выборки, с которыми контактировали новоарамейские идиомы Урмии, в частности, азербайджанский (0,46), турецкий (0,49) и армянский (0,50). Очень похожие показатели получены для осетинского (0,39), русского (0,42) и некоторых языков Восточной Европы, а более низкие показатели представлены почти исключительно среди языков автохтонных семей Кавказа — нахско-дагестанских, абхазо-адыгских и картвельских. Таким образом, полученный показатель косвенно указывает на вторичную природу широкого распространения непереходных моделей в новоарамейских идиомах Урмии. Развитие таких моделей может быть связано с контактами, но этот вопрос требует дополнительного изучения.

Индекс переходности — очень грубая характеристика системы валентностных классов. Более тонкий инструмент представляет собой «профиль переходности» [Сай 2018: 579–582]: лексический состав предикатных выражений, разделенных на переходные и все остальные (см. списки в *Разделах* 2.2–2.3). При изучении этого параметра было установлено, что, неформально говоря, новоарамейские идиомы Урмии более или менее похожи на все языки с близким индексом переходности, но при этом не похожи ни на какой из них в особенности²⁶.

Своеобразие новоарамейского профиля переходности отчасти связано с теми «нестандартными» классами, где ни один из заложенных в анкете актантов не кодируется как каноническое подлежащее и (в подавляющем большинстве случаев) ни один из актантов не кодируется также и как прямое дополнение. Предикатные выражения такого типа могут быть названы выражениями с «двойным локусом непереходности»: здесь и актант X, и актант Y кодируются не так, как в переходной конструкции. Типологически предикаты с двойным локусом непереходности крайне редки — этот факт давно обсуждается и объясняется в литературе [Tsunoda 1981; Malchukov 2006: 340–345]. Это же подтверждается и данными, собранными в рамках проекта BivalTyp [Say (ed.) 2020]: на данный момент лишь в трех языках выборки обнаружено

---

²⁶ Это наблюдение можно формализовать в терминах относительного расстояния Хэмминга. В данном случае оно равно доле тех предикатов, эквиваленты которых в двух языках расходятся по признаку переходности. Для 30 языков из 83 относительное расстояние Хэмминга от наших новоарамейских идиомов, определенное по признаку переходности, не превышает 0,2. В это множество входят иврит (но не литературный арабский), турецкий, азербайджанский, осетинский, русский и очень многие языки Восточной Европы. Однако ни для одного языка это расстояние не оказалось меньше 0,13 (с каждым языком выборки новоарамейский «разошелся» по переходности как минимум в 14 предикатах из анкеты).

более 7 предикатных выражений с двойным локусом непереходности. Новоарамейский показатель (10 предикатных выражений) уступает лишь показателям, полученным для гоо (< семья манде, 11 предикатов) и ирландского (14 предикатов).

Относительно широкая представленность конструкций с двойным локусом в материалах из Урмии связана с двумя фактами.

Во-первых, в урмийском новоарамейском многие предикатные значения экспериенциальной зоны выражаются перифрастическими конструкциями, где формальным подлежащим оказывается абстрактное имя или название части тела, см. [Khan 2016b, II, 354–355] и обсуждение в *Разделе 2.4*. Это объяснение действует и для других языков с широкой представленностью конструкций с двойным локусом — гоо, ирландского и некоторых нахско-дагестанских. Возможно, широкое распространение перифрастических выражений обсуждаемого типа в новоарамейских идиомах обусловлено контактами с несемитскими языками, включая персидский, курдский и азербайджанский [Khan 2016b, II: 355–359]²⁷.

Во-вторых, многие конструкции с двойным локусом являются результатом рутинизации экстрапозиции. Для некоторых предикатов конструкция с участником, вынесенным на левую периферию (изначально по дискурсивным причинам), становится базовой, а сама вынесенная именная группа может переосмысляться как компонент грамматического ядра клаузы (см. 2.4). Новоарамейская картина вряд ли является диахронически устойчивой — скорее она представляет собой переходное состояние между дискурсивными закономерностями и синтаксическими правилами [Khan 2016b, II: 398].

Наконец, если перейти на уровень конкретных валентностных классов, то, как и в случае с переходностью, самый общий вывод (ареально-)типологического плана состоит в том, что новоарамейская система не демонстрирует явного сходства ни с одной из систем, рассмотренных в рамках проекта до сих пор²⁸.

---

²⁷ Азербайджанские данные, собранные в рамках проекта, не противоречат такому предположению, хотя и не подтверждают его отчетливо. Принципиальную роль здесь сыграли бы персидские и курдские данные, но эти языки (пока) не представлены в выборке; см., впрочем, краткое упоминание параллелизма с курдским в *Разделе 3.4*.

²⁸ Для поиска ареального и генеалогического сигнала в данных использовались различные методы измерения и визуализации сходств и различий между

Для демонстрации ожидаемых и неожиданных черт новоарамейской системы на типологическом фоне будет использован следующий метод. Данные, доступные в рамках проекта по состоянию на 2020 год, были использованы для того, чтобы измерить попарную близость синтаксического поведения всех 130 изученных предикатов. В качестве меры расстояния использовалось относительное расстояние Хэмминга: для каждой пары предикатов устанавливалась доля тех языков, в которых их эквиваленты попадают в разные валентностные классы. Так, например, удовлетворительные данные для предикатов [3] ‘бояться’ и [35] ‘избегать’ были в общей сложности зафиксированы для 73 языков, при этом в 34 из них полученные эквиваленты входили в один и тот же класс, а в 39 — в разные классы. Следовательно, расстояние между предикатными значениями ‘бояться’ и ‘избегать’ можно оценить как 0,53 (= 39/73). Чем меньше расстояние между двумя предикатными значениями, тем чаще их эквиваленты синтаксически ведут себя одинаково. Полученная матрица расстояний не может быть визуализирована напрямую из-за своей громоздкости (130 на 130). Поэтому для ее визуализации был использован один из стандартных методов понижения мерности — многомерное шкалирование (MDS) с числом измерений, равным 2. Этот метод позволяет представить изучаемые объекты (в данном случае предикатные значения) в качестве точек на плоскости так, чтобы искажение расстояний между ними было минимально.

На полученной описанным методом визуализации точки соответствуют предикатным значениям, при этом их координаты отражают общетипологические сходства и различия в валентностном поведении предикатов. Однако в данном случае цель состояла в том, чтобы увидеть, насколько классы предикатов в новоарамейских идиомах Урмии соответствуют типологическим ожиданиям. Для достижения этой цели точки на визуализации были обозначены разными символами — в зависимости от того, в какой предикатный класс попадали собранные

системами валентностных классов (иерархическая кластеризация, алгоритм NeighborNet и т. д.). Хотя в некоторых отношениях новоарамейский демонстрирует сближение с азербайджанским, турецким и автохтонными языками Кавказа, эти сходства недостаточны для утверждения о надежных кластерах. По этой причине использованные методы и сами визуализации здесь подробно не обсуждаются (доступны по ссылке https://github.com/serjozhka/BivalTyp/tree/main/2020_NENA_paper).

эквиваленты в новоарамейских идиомах Урмии. На получившейся визуализации, см. *Рис. 1*, отражены только предикаты из тех шести валентностных классов, в которые входят не менее восьми предикатных выражений²⁹.

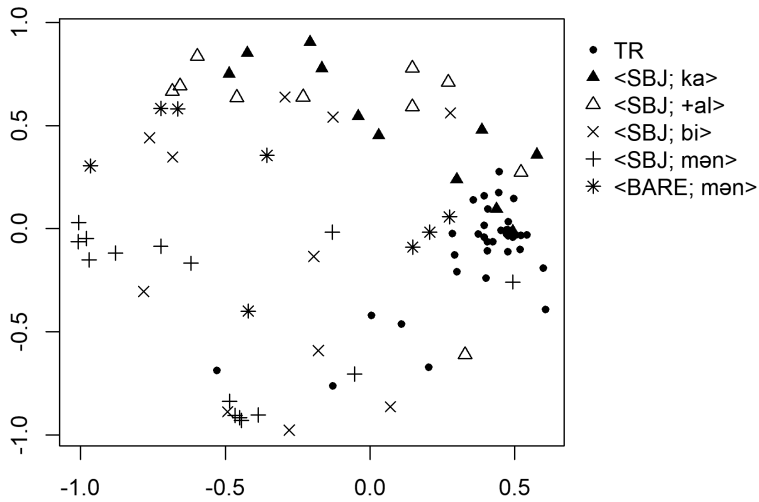

Рис. 1. Основные новоарамейские валентностные классы на типологическом фоне (MDS-визуализация)

Figure 1. Basic valency classes in NENA against a typological background (MDS-visualization)

Как можно видеть, новоарамейские переходные глаголы занимают компактную зону в правой части визуализации с единичными выбросами в смежные области. Содержательно это означает, что этот класс типологически тривиален: по преимуществу в него входят те значения, которые и в других языках группируются вместе и обычно кодируются переходными глаголами — [27] ‘жарить’, [41] ‘кусать’, [49] ‘мыть’, [107] ‘целовать’ и т. д.

К переходной зоне сверху и слева примыкает зона с высокой концентрацией глаголов с моделью <SBJ; ka>. По преимуществу это

²⁹ Необходимая статистическая обработка данных производилась в программной среде R [R Core Team 2019]. Многомерное шкалирование осуществлялось при помощи пакета ‘smacof’ [de Leeuw, Mair 2009]. Я благодарен М. А. Овсянниковой за помощь в создании визуализации.

контролируемые предикаты взаимодействия с одушевленным вторым участником, например [13] ‘выиграть’, [45] ‘льстить’, [62] ‘отвечать’. Второй участник в этих предикатах вовлечен (affected) в ситуацию меньше, чем при прототипических переходных предикатах, но зато из-за одушевленности с ним часто связана определенная степень эмпатии. В некоторых языках предикаты из этой зоны также попадают в класс переходных: это основная причина топологической близости двух зон на *Рис. 1*. Неслучайно и то, что в новоарамейских идиомах Урмии модель <SBJ; *ka*> участвует в дифференцированном маркировании актантов (см. 2.2). Само противопоставление этих двух классов отчасти условно: возможно, следовало считать, что некоторые глаголы, отнесенные к классу <SBJ; *ka*>, — это такие переходные глаголы, которые теоретически демонстрируют дифференцированное маркирование объекта, но из-за высокого статуса второго актанта всегда выбирают модель с предлогом.

На *Рис. 1* глаголы с моделью <SBJ; *ka*> перемежаются с глаголами с моделью <SBJ; *+al*>, такими, как [6] ‘быть похожим’, [7] ‘верить’, [95] ‘смотреть’, [122] ‘сердиться’. В обеих моделях используемый предлог в какой-то мере связан с идеей конечной точки движения, что в первую очередь видно по контекстам, где этими предлогами оформляются сир-константы, а не актанты. Различие между предлогами состоит в том, что для *+al* более характерны собственно пространственные значения (например, ‘идти к какому-то ориентиру’), а для *ka* — значения реципиента, цели или бенефактива. Разделение глаголов на два класса, видимо, во многом случайно: об этом говорят и колебания, зафиксированные при сборе данных, и сопоставление с типологическим фоном, отраженное на *Рис. 1*.

Общирный класс с моделью <SBJ; *mən*> интересен тем, что он покрывает две более или менее четко различимые области. С одной стороны, в него входят некоторые симметричные предикаты, например [23] ‘драться’, [84] ‘разговаривать’, [99] ‘ссориться’. На визуализации они расположены в компактной области со значениями по оси *y* около -1 и значениями по оси *x* около -0,5. С другой стороны, предлогом *mən* может оформляться начальная точка движения (или второй актант предикатов эмоций, осмысляемый как начальная точка), например [14] ‘выходить’, [90] ‘слезать’, [3] ‘бояться’, [111] ‘брезговать’, [130] ‘стесняться’. На визуализации соответствующие точки попадают в интервал от -0,5 до -1,0 по оси *x* и сосредоточены около 0 по оси *y*. Столь систематический синкретизм аблативного и комитативного значений

типологически редок, среди языков выборки он в какой-то мере представлен лишь в нанайском, в удинском и в атлантическом языке диолафоньи³⁰.

Аблативно-комитативный синкретизм — яркая черта новоарамейских идиомов Урмии. С исторической точки зрения он, по всей видимости, представляет собой результат контаминации двух разных предлогов: аблативного *min и комитативного *am [Khan 2016, I: 583–584]. Показательно, что один из систематически опрошенных консультантов (консультант 2), представитель «шапытна», последовательно различает рефлексy этих предлогов. В ответах этого консультанта предлог *am* использовался для оформления второго актанта следующих симметричных предикатов: [12] ‘встретиться (случайно)’ *tapək*; [23] ‘драться’ + *paləš*; [24] ‘дружить’ *avəd + xorvayta* (букв. ‘делать дружбу’); [84] ‘разговаривать’ *hamzəm*; [94] ‘смешаться’ + *xavət*; [97] ‘соглашаться’ *avə + razi* (букв. ‘быть согласным’); [98] ‘ссориться’ + *makrəs*. Таким образом, как минимум у этого консультанта аблативно-комитативный синкретизм не наблюдается³¹.

О вторичности и диахронической неустойчивости аблативно-комитативного синкретизма говорит тот факт, что предлог *tən* (а также *am* — в той мере, в какой он встречается в данных) находится в сложных отношениях с еще одним предлогом — *bi*. В ряде случаев консультанты допускали возможность использования обоих предлогов в одних и тех же контекстах. В других случаях предпочтения оказывались разными у разных консультантов. В итоговых данных (см. *Раздел 2.3*) отражена лишь усредненная картина, в рамках которой предлог *bi* не имеет отчетливой смысловой ниши, что видно и на *Рис. 1*.

Не менее случайную с типологической точки зрения картину демонстрирует и последний относительно большой валентностный

³⁰ Впрочем, модель синкретизма, покрывающего значения не только аблатива и комитатива, но и инструмента, что нехарактерно для предлога *tən* в новоарамейских идиомах Урмии, встречается в ряде языков Южной Азии — индоарийских и сино-тибетских, см. [Noonan, Mihas 2007: 11].

³¹ Согласно личному сообщению А. К. Лявданского, арамейские идиомы относительно четко делятся на те, где сохраняется противопоставление рефлексов аблативного *min и комитативного *am (например, христианские диалекты алкош, хертевин, нудез, еврейский диалект захо и т. д.), и на те, где они контаминировались (например, христианские диалекты джилу, каракосх, барвар и собственно урмийский, описанный в [Khan 2016]).

класс, обозначенный здесь как <BARE; *tən*>. Судя по координатам соответствующих точек на *Рис. 1*, эти предикаты типологически нечасто оказываются в одном и том же валентностном классе и, вероятно, не образуют внятного семантического единства. Как уже говорилось в *Разделе 3.4*, единообразное валентностное поведение этих предикатных выражений в новоарамейских идиомах Урмии в основном определяется структурным фактором: тем, что это перифрастические конструкции, идущие по пути от дискурсивной экстрапозиции к собственно синтаксической модели³².

Самый общий вывод, касающийся распределения предикатных выражений по валентностным классам в новоарамейских идиомах Урмии, состоит в том, что эта система демонстрирует типологически самобытную картину, при этом, возможно, неустойчивую. Интересно, что предлоги, используемые в выявленных валентностных классах, в основном имеют надежную семитскую этимологию, а их прямые когнаты встречаются в валентностных классах двух других семитских языков, привлеченных к проекту, — иврита и литературного арабского. Однако границы валентностных классов, в которых используются родственные предлоги в этих трех языках, в целом имеют мало общего — не больше, чем можно было бы ожидать для неродственных языков. Скорее всего, удаление современных новоарамейских идиомов, представленных в Урмии, от других семитских идиомов обусловлено их витиеватой историей и многочисленными контактами с неродственными языками (валентностное поведение предикатов легко подвергается контактному влиянию [Say 2014; Сай 2018; Grossman, Witzlack-Makarevich 2019]). Однако, возможно, именно многочисленность контактов с самыми разными языками (семитскими, иранскими, тюркскими, русским и в какой-то мере армянским) является причиной того, что синхронно система валентностных классов в новоарамейских идиомах Урмии не похожа в отдельности ни на какую другую систему и характеризуется рядом типологически необычных черт.

---

³² Впрочем, в семантическом плане определенное сходство между этими предикатами также наблюдаются: так или иначе они связаны с ментальной и эмоциональной сферой. Теоретическую и типологическую значимость того факта, что именно в этих семантических зонах систематически используется перифраза и, как следствие, экстрапозиция, необходимо осмыслить при продолжении работы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; BARE — немаркированное имя, не индексируемое на предикате; COMP — комплементаризер; DEM1, DEM2, DEM3 — указательные местоимения разных рядов; EXI — экзистенциальная копула; F — женский род; FUT — будущее время; LS — L-суффикс; M — мужской род; NEG — отрицание; P — притяжательность; PL — множественное число; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; PST — претерит; REL — релятор; RES — результатив; SBJ — подлежащее; SS — S-суффикс.

Литература

- Агасиев 2007 — С. А. Агасиев. Грамматика современного ассирийского языка. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
- Лявданский 2009 — А. К. Лявданский. Новоарамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 660–693.
- Сай 2018 — С. С. Сай. Маркирование актантов двухместных предикатов: предварительные итоги типологического исследования // С. С. Сай (ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 557–616.
- Сай (ред.) 2018 — С. С. Сай (ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. СПб.: ИЛИ РАН, 2018.
- Сай и др. 2018 — С. С. Сай, Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика, В. С. Храковский. Валентностные классы двухместных предикатов: типологическая анкета и инструкция исследователю // С. С. Сай (ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 25–46.
- Саркисов 2017 — И. В. Саркисов. Дифференцированное маркирование объекта в христианском урмийском диалекте новоарамейского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 371–392.
- Саркисов 2018 — И. В. Саркисов. К вопросу об эргативности в новоарамейских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XIV. Ч. 2. С. 380–399.
- Церетели 1964 — К. Г. Церетели. Современный ассирийский язык. М.: Наука, 1964.
- Bossong 1991 — G. Bossong. Differential object marking in Romance and beyond // D. Wanner, D. A. Kibbee (eds.). New Analyses in Romance Linguistics. Selected Papers from the Linguistic Symposium on Romance Languages XVIII, Urbana-Campaign, April 7–9, 1988. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1991. P. 143–170.

- Coghill 2014 — E. Coghill. Differential object marking in Neo-Aramaic // *Linguistics*. 2014. Vol. 52(2). P. 335–364.
- Comrie 1989 — B. Comrie. *Language Universals and Linguistic Typology. Syntax and morphology* (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Kinship in grammar // I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). *Dimensions of Possession*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 201–225.
- de Leeuw, Mair 2009 — J. de Leeuw, P. Mair. Multidimensional scaling using majorization: SMACOF in R // *Journal of Statistical Software*. 2009. Vol. 31(3). P. 1–30. (электронный ресурс). URL: <http://www.jstatsoft.org/v31/i03/> (дата обращения: 03.08.2020).
- Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. Vol. 67. P. 547–619.
- Grossman, Witzlack-Makarevich 2019 — E. Grossman, A. Witzlack-Makarevich. Valency and transitivity in contact: An overview // *Journal of Language Contact*. 2019. Vol. 12. P. 1–26.
- Haig 2018 — G. Haig. The grammaticalization of object pronouns: Why differential object indexing is an attractor state // *Linguistics*. 2018. Vol. 56(4). P. 781–818.
- Hopper, Thompson 1985 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. The iconicity of the universal categories ‘noun’ and ‘verb’ // J. Haiman (ed.). *Iconicity in Syntax*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985. P. 151–183.
- Iemmolo 2011 — G. Iemmolo. *Towards a Typological Study of Differential Object Marking and Differential Object Indexation*. PhD thesis. Pavia: University of Pavia, 2011.
- Jie, Liang 2018 — J. Jie, M. Liang. An animacy hierarchy within inanimate nouns: English corpus evidence from a prototypical perspective // *Lingua*. 2018. Vol. 205. P. 71–89.
- Khan 2008 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of Barwar*. Vol. I: Grammar. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Khan 2016a — G. Khan. 2016. Left dislocation in North-Eastern Neo-Aramaic dialects // *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*. 2016. Vol. 50. P. 91–110.
- Khan 2016b — G. Khan. 2016. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. Vols. 1–4. Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Maclean 1901 — A. J. Maclean. *A Dictionary of the Dialects of Vernacular Syriac*. Oxford: Clarendon, 1901.
- Malchukov 2006 — A. Malchukov. Transitivity parameters and transitivity alternations: constraining co-variation // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). *Case, Valency and Transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 329–359.
- Murre-van der Berg 1999 — H. L. Murre-van der Berg. *From a Spoken to a Written Language. The Introduction and Development of Literary Urmia Aramaic in the Nineteenth Century*. Leiden: Nederlands instituut voor het nabije oosten, 1999.
- Noonan, Mihás 2007 — M. Noonan, E. Mihás. Areal dimensions in case syncretisms: ablatives and genitives. Paper presented at the seventh biennial meeting of the Association for Linguistic Typology, Paris, 2007. (электронный ресурс). URL: <http://crossasia-repository.ub.uni-heidelberg.de/view/themen/T15/2007.html> (дата обращения: 15.08.2020).

- Ovsjannikova et al. in prep. — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. Non-Urmi North-Eastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmiya, Russia. In preparation.
- R Core Team 2019 — R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2019 (электронный ресурс). URL: <https://www.R-project.org/> (дата обращения: 06.07.2020).
- Reznikova et al. 2012 — T. Reznikova, E. Rakhilina, A. Bonch-Osmolovskaya. Towards a typology of pain predicates // *Linguistics*. 2012. Vol. 50(3). P. 421–465.
- Sasse 1993 — H. J. Sasse. Syntactic phenomena in the world's languages I: Categories and relations // J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, Th. Vennemann (eds.). *Syntax. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. P. 646–686.
- Say 2014 — S. Say. Bivalent verb classes in the languages of Europe: A quantitative typological study // *Language Dynamics and Change*. 2014. Vol. 4(1). P. 116–166.
- Say 2020 — S. Say. Bivalent patterns in Assyrian Neo-Aramaic // S. Say (ed.). *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. (Data first published on August 19, 2020). (электронный ресурс). URL: <https://www.bivaltyp.info> (дата обращения: 21.09.2020).
- Say (ed.) 2020 — S. Say (ed.). *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. (электронный ресурс). URL: <https://www.bivaltyp.info> (дата обращения: 21.09.2020).
- Siewierska 1999 — A. Siewierska. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: Why objects don't make it // *Folia Linguistica*. 1999. Vol. 33(1/2). P. 225–251.
- Stassen 2009 — L. Stassen. *Predicative Possession*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Stassen 2013 — L. Stassen. *Predicative possession* // M. S. Dryer, M. Haspelmath, (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (электронный ресурс). URL: <http://wals.info/chapter/117> (дата обращения: 03.08.2020)
- Tsunoda 1981 — T. Tsunoda. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood // *Linguistics*. 1981. Vol. 19. P. 389–438.

References

- Agassiyev 2007 — S. A. Agassiyev. *Grammatika sovremennogo assiriyskogo yazyka [A grammar of the modern Assyrian language]*. St. Petersburg: The Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2007.
- Bossong 1991 — G. Bossong. Differential object marking in Romance and beyond. D. Wanner, D. A. Kibbee (eds.). *New Analyses in Romance Linguistics. Selected Papers from the Linguistic Symposium on Romance Languages XVIII*,

- Urbana-Campaign, April 7–9, 1988*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1991. P. 143–170.
- Coghill 2014 — E. Coghill. Differential object marking in Neo-Aramaic. *Linguistics*. 2014. Vol. 52(2). P. 335–364.
- Comrie 1989 — B. Comrie. *Language Universals and Linguistic Typology. Syntax and morphology* (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Kinship in grammar. I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). *Dimensions of Possession*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 201–225.
- de Leeuw, Mair 2009 — J. de Leeuw, P. Mair. Multidimensional scaling using majorization: SMACOF in R. *Journal of Statistical Software*. 2009. Vol. 31(3). P. 1–30. Available at: <http://www.jstatsoft.org/v31/i03/> (accessed on: 03.08.2020).
- Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. P. 547–619.
- Grossman, Witzlack-Makarevich 2019 — E. Grossman, A. Witzlack-Makarevich. Valency and transitivity in contact: An overview. *Journal of Language Contact*. 2019. Vol. 12. P. 1–26.
- Haig 2018 — G. Haig. The grammaticalization of object pronouns: Why differential object indexing is an attractor state. *Linguistics*. 2018. Vol. 56(4). P. 781–818.
- Hopper, Thompson 1985 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. The iconicity of the universal categories ‘noun’ and ‘verb’. J. Haiman (ed.). *Iconicity in Syntax*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985. P. 151–183.
- Iemmolo 2011 — G. Iemmolo. *Towards a Typological Study of Differential Object Marking and Differential Object Indexation*. PhD thesis. Pavia: University of Pavia, 2011.
- Jie, Liang 2018 — J. Jie, M. Liang. An animacy hierarchy within inanimate nouns: English corpus evidence from a prototypical perspective. *Lingua*. 2018. Vol. 205. P. 71–89.
- Khan 2008 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of Barwar*. Vol. I: Grammar. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Khan 2016a — G. Khan. 2016. Left dislocation in North-Eastern Neo-Aramaic dialects. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*. 2016. Vol. 50. 91–110.
- Khan 2016b — G. Khan. 2016. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. Vols. 1–4. Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Lyavdanskiy 2009 — A. K. Lyavdanskiy. *Novoarameyjskiye yazyki [Neo-Aramaic languages]*. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lezov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskiye yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki [Languages of the world. Akkadian language. Northwest Semitic languages]*. Moscow: Academia, 2009. P. 660–693.
- Maclean 1901 — A. J. Maclean. *A Dictionary of the Dialects of Vernacular Syriac*. Oxford: Clarendon, 1901.
- Malchukov 2006 — A. Malchukov. Transitivity parameters and transitivity alternations: constraining co-variation. L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). *Case, Valency and Transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 329–359.

- Murre-van der Berg 1999 — H. L. Murre-van der Berg. From a Spoken to a Written Language. The Introduction and Development of Literary Urmia Aramaic in the Nineteenth Century. Leiden: Nederlands instituut voor het nabije oosten, 1999.
- Noonan, Mihas 2007 — M. Noonan, E. Mihas. Areal dimensions in case syncretisms: ablatives and genitives. Paper presented at the seventh biennial meeting of the Association for Linguistic Typology, Paris, 2007. Available at: <http://crossasia-repository.ub.uni-heidelberg.de/view/themen/T15/2007.html> (accessed on: 15.08.2020).
- Ovsjannikova et al. in prep. — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. Non-Urmi North-Eastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmiya, Russia. In preparation.
- R Core Team 2019 — R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2019. Available at: <https://www.R-project.org/> (accessed on: 06.07.2020).
- Reznikova et al. 2012 — T. Reznikova, E. Rakhilina, A. Bonch-Osmolovskaya. Towards a typology of pain predicates. *Linguistics*. 2012. Vol. 50(3). P. 421–465.
- Sarkisov 2017 — I. V. Sarkisov. Differentsirovannoye markirovaniye obyektov v khristianskom urmiskom dialekte novoarameyeskogo yazyka [Differential object marking in the Christian Urmi dialect of the Neo-Aramaic language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2017. Vol. XIII. Pt. 3. P. 371–392.
- Sarkisov 2018 — I. V. Sarkisov. K voprosu ob ergativnosti v novoarameyeskikh yazykakh [On the problem of ergativity in Neo-Aramaic languages]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. Vol. XIV. Pt. 2. P. 380–399.
- Sasse 1993 — H. J. Sasse. Syntactic phenomena in the world's languages I: categories and relations. J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, Th. Vennemann (eds.). *Syntax. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. P. 646–686.
- Say 2014 — S. Say. Bivalent verb classes in the languages of Europe: A quantitative typological study. *Language Dynamics and Change*. 2014. Vol. 4(1). P. 116–166.
- Say 2018 — S. S. Say. Markirovaniye aktantov dvukhmestnykh predikatov: predvaritelnyye itogi tipologicheskogo issledovaniya [Bivalent predicates' argument encoding: preliminary results of a typological study]. S. S. Say (ed.). *Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh* [Bivalent verb classes in structurally diverse languages]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2018. P. 557–616.
- Say (ed.) 2018 — S. S. Say (ed.). *Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh* [Bivalent verb classes in structurally diverse languages]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2018.
- Say 2020 — S. Say. Bivalent patterns in Assyrian Neo-Aramaic. In: Say, Sergey (ed.). *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. (Data first published on August 19, 2020). Available at: <https://www.bivaltyp.info> (accessed on: 21.09.2020).

- Say (ed.) 2020 — S. Say (ed.). *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. Available at: <https://www.bivaltyp.info> (accessed on: 21.09.2020).
- Say et al. 2018 — S. S. Say, D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika, V. S. Khrakovskiy. Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikatov: tipologicheskaya anketa i instruktsiya issledovatelyu [Bivalent verb classes: a typological questionnaire and guidelines for researchers]. S. S. Say (ed.). *Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh* [Bivalent verb classes in structurally diverse languages]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2018. P. 25–46.
- Siewierska 1999 — A. Siewierska. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: Why objects don't make it. *Folia Linguistica*. 1999. Vol. 33(1/2). P. 225–251.
- Stassen 2009 — L. Stassen. *Predicative Possession*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Stassen 2013 — L. Stassen. Predicative possession. M. S. Dryer, M. Haspelmath, (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/117> (accessed on: 03.08.2020)
- Tsereteli 1964 — K. G. Tsereteli. *Sovremennyy assiriyskiy yazyk* [Modern Assyrian languages]. Moscow: Nauka, 1964.
- Tsunoda 1981 — T. Tsunoda. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood. *Linguistics*. 1981. Vol. 19. P. 389–438.